

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-482-492

EDN: VCYHLX

Научная статья / Research article

Особенности формирования и становления русскоязычной литературы Татарстана

И.А. Еникеев

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

✉ eniki07@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема формирования русскоязычной литературы в контексте взаимодействия русской и национальных литератур бывшего Советского Союза. Использованы новые исследования ученых по изучению региональных литератур. В качестве теоретической базы применена концепция культурно-исторических гнезд. Показаны динамика и направление развития русскоязычной литературы Татарстана. Выявлена значимость культурно-исторических гнезд в процессе развития национальных литератур.

Ключевые слова: русскоязычная литература, мультикультура, культурно-историческое гнездо, регион, Н. Пиксанов, Ф. Амирхан, Р. Кутуй, Р. Бухараев, Д. Валеев

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования: Еникеев И.А. Особенности формирования и становления русскоязычной литературы Татарстана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 482–492. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-482-492>

Features of the Genesis and Formation of Russian-language Literature in Tatarstan

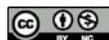
Ildar A. Enikeev

G. Ibragimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy
of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

✉ eniki07@mail.ru

Abstract. The study examines the problem of the genesis of Russian-language literature in the context of the interaction between Russian and national literatures of the former Soviet Union. New research by scientists on the study of regional literatures was used. The concept of strata and cultural-

© Еникеев И.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

historical nests is used as a theoretical basis. The dynamics and direction of development of Russian-language literature in Tatarstan are shown. The significance of cultural and historical nests in the process of development of national literatures is revealed.

Key words: Russian-language literature, multicultural, cultural-historical nest, region, N. Pikanov, F. Amirkhan, R. Kutuy, R. Bukharaev, D. Valeev

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Republic of Tatarstan state program implementation “Preservation of the national identity of the Tatar people.”

For citation: Enikeev, I.A. 2024. “Features of the Genesis and Formation of Russian-language Literature in Tatarstan.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 482–492. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-482-492>

Введение

Исследование русскоязычной литературы в настоящее время накопило определенный теоретический и историко-литературный опыт, позволяющий определить место этого явления в национальном литературном пространстве. В рамках данной статьи мы опираемся на исследования русскоязычной литературы разных регионов, появившиеся в 2017–2023 гг. Предлагаемые далее формулировки являются попыткой свести к единому консенсусу указанные исследования. Выясняется, что основным проблемным узлом всей конструкции русскоязычной литературы является вопрос о взаимосвязи последней с русской литературой, а уже затем с национальными литературами. Вопрос ставится в формулировке — является ли русскоязычная литература в полном смысле русской литературой?

Теоретические и историко-литературные исследования русскоязычной литературы в настоящее время дают возможность определить статус данного явления в национальном литературном процессе. Особенно значимы в этом плане исследования русскоязычной литературы разных регионов, опубликованные в 2017–2023 гг. Одной из задач предлагаемой статьи является сведение к общему консенсусу выводов данных исследований в плане понимания причин формирования русскоязычия разных этносов и его роли в художественном творчестве этих народов. Общим знаменателем указанных работ можно назвать мысль о том, что основным спорным моментом феномена русскоязычной литературы является проблема взаимосвязи последней с русской литературой, а уже затем с национальными литературами. Эта проблема формулируется в виде логической посылки — можно ли считать русскоязычную литературу в полном смысле русской литературой?

Современные российские исследователи полагают, что существует литература на русском языке, но без русской метафизики и русской национальной идентичности, и эту литературу следует обозначать термином русскоязычная [1. С. 381]. Истоки этой концепции восходят к 1910–1920-м гг., когда ученые пытались исследовать структуру и иерархию русской литературы. Выдви-

нутая И.М. Гревсом, Н.П. Анциферовым, Н.И. Пиксановым концепция культурно-исторических гнезд, являющихся фундаментом развития литературного процесса, ознаменовала собой новый подход к истории литературы. Гнездо позволяло выработать и высказать консолидированный голос социально-культурной группы и даже определенного региона. Например, Н.К. Пиксанов предложил делить русскую литературу на три течения: столичную, усадебную и провинциальную литературы [2. С. 14].

В конце 1920-х гг. этот научный подход был подвергнут критике как в силу своей спорности, так и по причине того, что концепция выявления стратов в литературе подрывала принципы утверждаемого в советской культуре единого социалистического эстетического идеала. Однако последовавшие затем десятилетия практического опыта многонациональной советской литературы показали, что культурно-исторические гнезда являются реальным механизмом литературного процесса, а следование канонам художественного метода, определенным жанрам и стилям, выбор идейно-тематической проблематики — по сути способом соответствовать и приспособиться к эстетическому идеалу, предложенному правящей партией обществу. В 2018–2020-е гг. эта забытая научная традиция 1920-х гг. была реанимирована в качестве методического инструмента при написании многотомной «Истории литературы Урала» XV–XIX вв. под редакцией проф. Е.К. Созиной. Похожая ситуация имела место в русской литературе до революции 1917 г., когда часть писателей придерживалась русского имперского дискурса, другие авторы выдвигали революционно-демократические нарративы, а третьи — пытались соответствовать новаторским приемам европейского модернизма. В указанной культурной ситуации возник вопрос о взаимоотношениях русской и национальных литератур.

Как отмечают татарские историки, в массовом сознании татар конца XIX — начала XX в. был весьма силен страх перед русификацией, проводимой через русскую культуру и грозящей подменой их национальных ценностей. Однако небольшая часть татарской интеллигенции относилась к русскому языку как к инструменту, открывавшему доступ к новым знаниям, для интеграции в мировую научную цивилизацию. Здесь следует упомянуть о переводческой деятельности с русского языка на татарский таких известных представителей татарской культуры и литературы, как К. Насыри, Г. Тукай, Ф. Амирхан, Х. Ямашев. Ученые Татарстана отмечают, что сами государственные деятели Российской империи отнюдь не желали массового обучения инородцев русскому языку, опасаясь избыточного просвещения национальных сословий: «Боязнь царских чиновников приобщить татар к русскому образованию обуславливалась ходом общественной борьбы у татар и результатом работы первых русско-татарских школ. Особое совещание по мусульманским делам весной 1914 г. указывало: „Наблюдения за жизнью мусульман показывают, что параллельно с изучением русского языка среди них начинает развиваться известный радикализм и рушится прежнее, строго консерва-

тивное политическое направление. Невольно обращает на себя внимание то обстоятельство, что именно передовые мусульманские деятели и прогрессивная мусульманская печать не только не являются противниками русской образованности, но и, наоборот, стараются всячески убедить своих единомышленников в необходимости для них изучать русский язык и даже отдавать детей в русские школы» [3. С. 91]. Судя по докладной записке на имя министра внутренних дел казанского вице-губернатора Петкевича, он видел в появившихся русско-татарских школах и именно с татарскими, а не русскими преподавателями, «постоянную угрозу русской государственности». По его соображениям, стратегия этнических культурных резерваций и изоляция их от внешнего взаимодействия была бы более предпочтительна. Эта ситуация скрытого недоверия и взаимного недопонимания перешла и в последовавший этап советского глобализма и интернационализма.

Исследователь Г. Гусейнов в своей статье от 2017 г. проливает свет на скрытую особенность дискурса советской культуры, обозначаемой им как антиинтернационализм. Для таких групп советских писателей, как славянофилы, почвенники и деревенщики, структурированных вокруг редакций определенных литературных журналов, представлялось тревожным фактором огромное количество публикаций многонациональных авторов на русском языке. Они воспринимали эту советскую практику как угрозу для синтаксиса и стилистики русской литературы, как признак вымывания из литературы русской метафизики и философии. Они «видели угрозу русской культурной традиции в обрусевших инородцах, лишаящих, с их точки зрения русскую культуру ее важных свойств и черт, размывающих традицию чужеродным словарем, тональностью, меняющих сам дух традиции... при этом „националы“ часто создавали новую литературную форму, которая уже благодаря переводу на русский язык оказывала воздействие и на „русскую советскую литературу“.

Влияние переводной литературы с „языков народов СССР“ на русскую либо не изучалось вовсе, либо воспринималось как странная и даже опасная контрабанда» [4. С. 390]. Продолжением этого процесса стало то, что в период постсоветского мультикультурализма русская литература перешла в статус литературы «Условной Москвы», «Большого Урала», неких культурно-исторических зон, даже не привязанных к конкретным территориям и этническим традициям [1. С. 381]. В свете отмеченных учеными факторов весьма симптоматичным предстает исследование русскоязычной литературы Казахстана, позиционируемое в виде термина «казахстанский текст». Это произведения казахских авторов, созданные на русском языке и сосредоточенные на проблеме пересечения и диалога казахской и русской литератур: «Мы квалифицируем как локальный казахстанский текст, в котором идет непрерывный диалог между традиционным укладом жизни, национальной картиной мира и тем, что было привнесено советским образом жизни» [5. С. 698]. Показательны выводы этого исследования, говорящие о том, что русскоязычная литература Казах-

стана возвращается к культурно-историческим гнездам своего национального прошлого, обозначаемого как «Алтай» и «Степь». Если для татарского сообщества вопрос использования русского языка в творчестве является поводом для острых дискуссий, то казахстанские авторы используют его как инструмент для пропаганды своих этноструктур мировому сообществу.

Для понимания особенностей русскоязычной литературы Татарстана имеет значение практический опыт другой центрально-азиатской литературной группы, обозначаемой ее представителями как «Ферганская школа». Она возникла в Узбекистане в 1990-е гг. вокруг русскоязычного литературного журнала «Звезда Востока». В качестве путей модернизации узбекской литературы они предлагали не только отказ от сковывающего наследия социалистического реализма, но и отторжение традиций русской классической литературы: «ориентация на средиземноморскую поэзию и отчасти англосаксонскую, минуя русскую литературу» [6]. В своем литературном манифесте они проповедовали соединение национальной узбекской традиции с западноевропейским модернизмом, избрав при этом языком творчества русский язык! По сути это был ремейк «странного» советского либерализма, внедряемого в советскую многонациональную литературу с середины 1950-х гг. [4. С. 393]. Отмеченные выше наработки ученых дают возможность по-новому представить этап формирования и становления русскоязычной литературы Татарстана.

Обсуждение

Для понимания проблемы формирования и становления русскоязычия татар следует обратить внимание на статью известного татарского писателя и общественного деятеля Галимджана Ибрагимова «Каким путем пойдет татарская культура?» (1927). В ней он открыто называет источником этого явления татарских чиновников, переходивших на русский язык как в царской России, так и советских госслужащих — партийно-хозяйственную номенклатуру и ответственных работников культуры: «Это были чиновники Русского государства. Вместе с русскими дворянами, вращаясь в кругу русской культуры, они стояли особняком от татарского народа. Вся их бытовая жизнь была связана с русской культурой, русским языком. . . татарская школа, литература, история, жизнь были для них чуждыми. К части наших татарских советских служащих и чиновников из-за того, что они вращались в русском обществе, среди русских интеллигентов, внутри русской культуры, пристала эта старая болезнь» [7. С. 264]. В интересующий нас процесс советского интернационализма включились в 1920-е гг. такие молодые писатели и деятели новой культуры, как Ш. Усманов и А. Кутуй, предлагавшие заменить татарский язык международным языком эсперанто в рамках доктрины Коминтерна. Выявленная Г. Ибрагимовым структура воспроизводства русскоязычия татар сохраняет свою функциональность и на современном этапе.

Следующим культурно-историческим гнездом, в котором формировалось русскоязычие татар, стала сфера высшего и профессионального образования, проводившегося на русском языке. Одной из главных структур данного процесса была Татарская учительская школа г. Казани, работавшая с 1876 по 1917 г. В татарской среде ее называли русской, потому что обучение велось на русском языке. В течение почти 40 лет школу окончили всего 393 выпускника, но среди них были выдающиеся представители татарской интеллигенции, писатели, политики и военные: С. Максуди, Г. Исхаки, Г. Кулахметов, Х. Ямашев, Я. Чанышев и др. Факт первой презентации татарского русскоязычия на страницах татарской литературы связан именно с Татарской учительской школой. У преподавателя школы Ибрагима Терегулова было три дочери — Амина, Халима и Рабига, которых он отдал на обучение в русскую Мариинскую гимназию г. Казани. Всего в русских гимназиях до революции получили образование 185 татарских девушек. С именами указанных сестер связана история литературного кружка татарской молодежи, просуществовавшего до 1911 г., чьим активным участником был выпускник Татарской учительской школы революционер Х. Ямашев. Сестры Терегуловы и другие участники этого кружка стали прототипами образов повести татарского писателя Ф. Амирхана «Хаят» (1911). Благодаря творчеству последнего пересечение русской и татарской культур впервые было артикулировано в медийном пространстве и донесено до массового сознания татар. Татарская учительская школа подтвердила опасения казанского вице-губернатора Пинкевича, став успешным проектом модернизации татарской нации, обращенным к европейской культуре и в некоторых аспектах повторившимся в 90-е гг. XX в. в деятельности «Ферганской поэтической школы» в Узбекистане.

В период 1920–1950-х гг. не зафиксировано появление русскоязычных писателей-татар, помимо публикаций переводов произведений татарских писателей на русском языке. Однако в середине 1950-х гг. русскоязычие национальных авторов получило мощный импульс развития вследствие начавшегося процесса «странного» советского либерализма: «Официальная политика интернационализма привела к значительному расширению нового и странного для СССР художественного либерализма» [4. С. 391]. «Странным» он был потому, что, проповедуя интернациональную дружбу всех народов, этот либеральный проект ставил целью перевод всех национальных культур на русский язык. Результатом реформ в сфере среднего и высшего образования страны стало существенное сокращение преподавания как на татарском, так и самого татарского языка в средних школах г. Казани. Продлившаяся до начала 1990-х гг. политика советского либерализма инициировала появление творческих молодежных объединений, включая и русскоязычные литературные сообщества города. Возникли литературные площадки для молодых авторов на русском языке — газеты «Комсомолец Татарии» и «Ленинец», а позднее журналы «Идель», «Казань» и «Аргамак» в Набережных Челнах на русском

языке. Еще одним важным стратом формирования русскоязычия стала индустрия переводов татарских авторов на русский язык, в которой сформировалась прослойка русскоязычных писателей-переводчиков, например, Р. Кутуй, Р. Бухараев, Н. Ахунова в 1980–1990-е гг., Н. Ишмухаметов, А. Каримова — в 2000-е гг.

Региональная особенность русскоязычной литературы Татарстана проявляется при сопоставлении ее с русскоязычной литературой соседнего региона, обозначаемого исследователями как «Большой Урал» с центром в Екатеринбурге. Базирующийся на принципах горнозаводской цивилизации, которые отражены в произведениях Мамина-Сибиряка, Бажова, Решетникова и Иванова, «уральский текст» на современном этапе отмечен стадией перехода от постмодернизма к метамодернизму с его подчеркнутой социальной направленностью. Существенную роль в нем составляет литература нон-фикшен, значителен сегмент поэзии и «новой драматургии». Литературная провинция «Большой Урал» плотно интегрирована в столичную литературу «Условной Москвы» через систему литературных премий, толстых литературных журналов и частных издательств, рейтинги и рецензии литературных критиков, формирующих в массовых медиа символический капитал данной территории, ее узнаваемость, и создающих символическое пространство региона. Центральным субъектом «Большого Урала» является литературный герой-протестант как символ особой уральской породы людей, соединяющий в себе славянскую мягкость с упорством и волей, о чем в русской критике заговорили еще в далеком 1912 г.: «Да, уральская идентичность существует — как и идентичность любой другой локальности, относительно целостной и осознающей себя» [8. С. 397].

Для понимания специфики русскоязычного литературного пространства Татарстана и выявления главных персон этого литературного поля целесообразно предложить для исследования одну существенную проблему, а именно — какое культурно-историческое гнездо, способное конкурировать с литературным пространством «Условной Москвы», «Большого Урала» и казахстанским «Алтаем-Степью», могли сформировать местные авторы? В литературных объединениях писателей Казани образовалась особая консервативная среда с сильной инерцией традиций прошлого, когда приемы русской классической литературы сочетались с авангардными поисками советской литературы 1920-х гг., включая изъятые из литературного оборота тексты диссидентов. И потому бескомпромиссный посыл литературы «оттепели» или советского художественного либерализма затянулись в них на десятилетия. Уже в 1990-е гг. местные авторы перешли к постмодернизму, минуя этап социалистического реализма, проводя эксперименты и поиски в области художественных форм. Персонажами их произведений стали жители города на работе и дома и их сложные взаимоотношения. Специфика данных образов в том, что это субъекты разных национальностей и культурных традиций. Указанный

фактор отличает «казанскую» русскоязычную литературу от русской. Подобный уровень прочувствования и осмысления межнациональных связей не был характерен для русской советской литературы того времени. Здесь следует отметить прозу и поэзию Р. Кутуя, социальный пафос пьес Д. Валеева и художественно-философские произведения Р. Бухараева, отличающиеся глубиной и парадоксальностью обобщений. Местные авторы сохранили традиции социального пафоса «оттепели», который ушел в подтекст в татарской литературе на татарском языке 1960–1980-х гг. Протестными героями, не вписывающимися в общественные условия, были не только персонажи их произведений, но и сами авторы русскоязычных объединений, такие как Б. Галеев, В. Мустафин, Д. Валеев, Р. Суфиев (Роман Солнцев). Через систему литературных объединений редакции местных журналов, газет и издательств русскоязычные писатели были тесно связаны с культурным полем Казани. Для них характерно ощущение себя как части татарского мира, центром которого считается Казань. Если 1960-е гг. были временем лирики и блистал авторитет Р. Кутуя, то 1970–1980-е гг. стали годами прозы и яркими, масштабными достижениями в драматургии Д. Валеева, получившими всесоюзную известность. А в период с 1990 по 2011 г. главную роль в пропаганде татарской культуры и литературы на разных языках и уже на мировом уровне взял на себя писатель Равиль Бухараев.

Амбивалентность национального и интернационального по-разному проявилась в творчестве главных представителей русскоязычной литературы периода 1960–1980-х гг., символизирующих три направления русскоязычной литературы Татарстана. Рустем Кутуй воплотил в своих произведениях традиции татарской культуры, семьи, обычаев, обнаружив глубинную связь с татарским языком в своих переводах татарских поэтов, которые восхищались национальным колоритом его метафор на русском языке. По своему мировоззрению он был близок к языческой мифологии и отсюда его тяготение к тюркским образам коня и птицы, к татарским историческим легендам и одушевленным образам природы — лунного тополя, осенних листьев, зимних яблок, весеннего дождя, перетекающим в темы одинокого детства, безотцовщины, первой любви, распада межнациональных семей, конфликтов с взрослеющими детьми, запечатленных в его городской прозе. В героях его повестей отразились судьбы городской интеллигенции, живущей на перепутье разных культур. В лирических героях его стихотворений, особенно в исторических циклах, вложены различные черты татарского национального характера, этнографические детали татарского быта и семьи. Темы и образы, которые он лишь обозначил и ввел в своем творчестве, создав художественную модель регионального городского текста, позднее разовьются в основные аспекты казанской мифопоэтики. Они зазвучат непохоже и самобытно в творчестве писателей разных поколений: Р. Бухараева, А. Сахибзадинова, Р. Сабирова, Л. Газизовой, А. Каримовой, Р. Кожевниковой, А. Хаирова и Р. Беккина. Диас Валеев

избрал социальный аспект этого мировоззренческого процесса, изобразив бунтующего героя и внутренний конфликт сильной личности, управляющей обществом. Предмет его изучения — городские жители на производстве, конфликт общественной и личной, духовной жизни. Равиль Бухараев встал на стезю праведной исламской философии и развивал идеи тюрко-исламского единства всех этносов Евразии. Для всех трех направлений характерно осознание сокровенности национального как общего интернационального богатства всех народов. Для русскоязычных писателей Татарстана 1980–2000-х гг. характерна игра смыслами разных культур, когда в тексте много литературных реминисценций и аллюзий. Проявляется это в сочетании реализма и мистики, в смелых экспериментах с художественной формой. Русскоязычная литература этого периода тяготеет к малым формам, как в прозе, так и в поэзии. Драматургию мы встречаем лишь в детских сказочных пьесах для кукольного театра Р. Бухараева и Н. Ахуновой.

Этап 2000–2020 гг. в истории русскоязычной литературы Татарстана отмечен рядом особенностей. Происходит поиск нового литературного героя, не связанного с традициями русской классической и советской литератур. Новое поколение писателей стремилось изобразить внутренний мир человека, живущего в эпоху перелома прежней системы ценностей и зарождения новой эстетики и идеологии: «...одна часть писателей, связанных с казанской литературной школой, опиралась на собственный опыт и впечатления реальной жизни (Н. Ахунова, А. Каримова, Л. Газизова, А. Хаиров). Другая группа авторов, связанных с культурными столицами России — Москвой и Санкт-Петербургом, обратилась к прошлому и занялась ревизией этностереотипов и культурных ценностей. Репрезентация и реабилитация прошлого, погружение в мир подсознания и инстинктов стало основой их эстетической концепции» [9. С. 112]. Если часть писателей Казани сохранила верность классическим художественным формам, то «столичная школа» взяла курс на использование форм массовой культуры, приближающей их к визуальной сфере кинематографа. Казанцы пытались, по мере возможностей, понять проблемы татарской культуры и национального менталитета. Москвичи — И. Абузяров, Ш. Идиятуллин, Г. Яхина — использовали этническую проблематику лишь как привлекательную для читателей площадку, на которой разворачивали свои интертекстуальные игры и сюжеты.

Заключение

Современные исследователи полагают, что термин русскоязычная литература следует считать синонимом понятия региональной литературы, являющейся неким манифестом не столько территориального образования, а скорее экс-территориальной культурно-исторической зоны, возникшей из локального гнезда, но развивающейся поверх административных границ: «Подобная трак-

товка русскоязычной литературы не отменяет распространенное понимание ее как региональной литературы, сосуществующей на конкретной территории с литературами на других языках, однако предлагает общую сумму региональных литератур, отменяющую не только логику границ, но, к примеру, метафизику русскости» [1. С. 381]. Согласно выводам ученых, это культурно-историческое гнездо должно иметь центральную мифологему, набор символических стереотипов, определяющих идентичность данного культурного пространства и его субъектную персонификацию.

Формирование и развитие культурно-исторических гнезд в национальных литературах — процесс неизбежный и закономерный, что показывает опыт русской литературы. Говоря о современном этапе развития русскоязычной литературы Татарстана, можно сказать, что местные авторы находятся в поиске центральной мифологемы своего родного региона, способной составить конкуренцию столичному культурно-историческому гнезду «Условная Москва», провинциальному гнезду «Большой Урал» и казахстанскому пространству «Алтай-Степь». В конкуренции со столичными писателями-татарами местные авторы уступают по степени своей узнаваемости в медийном пространстве, хотя опыт создания оригинального символического капитала своего региона у них достаточно интересен. Например, драматург Диас Валеев создал образ социального героя-протестанта, Равиль Бухараев исповедовал философию татарского модернизма в культуре, религии и литературе. Он был единственным местным автором, который осознанно пытался сконструировать региональный текст в виде некоего казанского манифеста, предложив свою систему казанских мифологем. Рустем Кутуй был ближе всех к национальному мироощущению, но не мировоззрению, через образы природы и создал типаж современного городского язычника. Своеобразное преломление традиции исторических фэнтези мы видим в творчестве Р. Сабирова, образ городского маргинала занимает существенное место в творчестве А. Сахибадинова, А. Хаирова, Р. Беккина, Ш. Идиятуллина. Московский страт русскоязычных писателей татар в лице Г. Яхиной, И. Абузярова и Ш. Идиятуллина во многом отличается от местной традиции казанских писателей.

Проведенное исследование показывает, что формирование национального русскоязычия имеет объективную основу в виде проводимой в государстве языковой политики в сфере просвещения, воплотившейся в либеральном проекте, продолжившем тренды Коминтерна, а субъективный выбор автором языка творчества уже предопределен параметрами культурно-исторической среды, в которой он воспитывается и получает образование.

Список литературы

1. Подлубнова Ю.С. Литературная жизнь и литературные бренды Екатеринбурга: ситуация конца 2010-х — начала 2020-х годов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 379–393. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-379-393>

1. История литературы Урала. Конец XIV—XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 13–24
2. Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. Казань: Алма-Лит, 2003.
3. Гусейнов Г.Г. Русское, советское и иное в постсталинском национальном дискурсе: предварительные заметки // Новое литературное обозрение. 2017. Т. 144. № 2. С. 386–397.
4. Яценко И.И., Яценко А.В. Культурное пограничье в постсоветских русскоязычных текстах казахстанских писателей // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 694–707. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-694-707>
5. Корчагин К. «Когда мы заменим свой мир...»: ферганская поэтическая школа в поисках постколониального субъекта // Новое литературное обозрение. 2017. Т. 44. № 2. С. 386–397.
6. Ибрагимов Г.Г. Каким путем пойдет татарская культура? // Без — татарбыз = Наше имя — татары! Казан, 2022. 308 с. С. 263–272.
7. Арзамазов А.А., Созина Е.К. Феномен литературы Урала // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 394–400. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-394-400>
8. Еникеев И.А. Русскоязычная литература Татарстана (1960–2020 гг.). Казань: ИЯЛИ, 2021.

References

1. Podlubnova, Yu.S. 2023. “Literary Life and Literary Brands of Yekaterinburg: the late 2010s — early 2020s.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 2, pp. 694–707. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-379-393>
2. History of literature of the Urals. End of XIV–XVIII. 2012. Moscow: Languages of Slavic culture publ., pp. 13–24. Print. (In Russ.)
3. Biktimirova, T.A. 2003. Stages of education up to the Sorbonne. Kazan: Alma-Lit publ. Print. (In Russ.)
4. Guseinov, G.G. 2017. “Russian, Soviet and other in the post-Stalin national discourse: preliminary notes.” *New Literary Review*, vol. 144, no. 2, pp. 386–397. Print. (In Russ.)
5. Yatsenko, I.I., and A.V. Yatsenko. 2023. “Cultural Boundaries in Post-Soviet Russian- Language Texts of Kazakhstan’s Writers.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 4, pp. 694–707. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-694-707>
6. Korchagin K. 2017. “ ‘When we replace our world...’: Fergana poetic school in search of a postcolonial subject.” *New Literary Review*, vol. 144, no. 2, pp. 386–397. Print. (In Russ.)
7. Ibragimov, G.G. 2022. “Which way will Tatar culture go?” In *Bez — Tatarbyz = Our name is Tatars!* Kazan, pp. 263–272. Print. (In Russ.)
8. Arzamazov, A.A., and E.K. Sozina. 2023. “The Phenomenon of Ural Literature.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 2, pp. 694–707. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-394-400>
9. Enikeev, I.A. 2021. Russian-language literature of Tatarstan (1960–2020). Kazan: IYALI publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Еникеев Ильдар Ахнафович — кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории сопоставительного татароведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. eLibrary SPIN-код: 6647-7296. ORCID: 0000-0002-4659-273X. E-mail: eniki07@mail.ru

Bio note:

Idar A. Enikeev is a Candidate of Philology, Researcher at the Laboratory of Comparative Tatar Studies, the Institute of Language, Literature and Arts, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 20 Bauman St, Kazan, 420111, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 6647-7296. ORCID: 0000-0002-4659-273X. E-mail: eniki07@mail.ru